

КНЯЗЬЯ СЛУЖИЛЫЕ

Авторы: В. Д. Назаров

КНЯЗЬЯ СЛУЖИЛЫЕ, статусная категория титулованных лиц из *Рюриковичей* и *Гедиминовичей* в последней четв. 14 – сер. 16 вв., в рамках которой бывшие стольные князья и *князья удельные* интегрировались в состав единой знати (титулованной и нетитулованной) формировавшегося Рус. гос-ва и Вел. кн-ва Литовского (ВКЛ); непосредственные вассалы правящих государей. Термин и синонимичные ему понятия («князья, которых ми Бог поручил», «князья служебные», «князья, которые служат с отчын») фиксируются офиц. и законодат. документами, при этом фактически отсутствуют в летописях и др. нарративных текстах (в летописании сер. 16 в. к ним близок по смыслу термин «княжата»). По этим сведениям, современники относили к К. с. титулов. лиц, которые не находились в прямом кровном родстве с представителями правящих династий и сохранили родовые вотчины (с властными прерогативами в отношении податного населения) в качестве пожалований правящих князей с условием обязат. воен. службы. В историографии понятие «К. с.» не имеет строгого определения: по мнению одних исследователей, к ним относились только князья *Верховских княжеств* в 1-й пол. 16 в. (М. Е. Бычкова; отчасти Зимин), другие видели в них особую корпорацию с более широким генеалогич. составом (Зимин), третьи сближали их с князьями удельными по ряду властных характеристик (В. Б. Кобрин) и т. д. К. с. нередко также считают князей-наёмников (Рюриковичей и Гедиминовичей) на воен. службе в Новгороде и Пскове в 14–15 вв. (несмотря на то, что термин не встречается даже в офиц. новгородских и псковских текстах).

В Сев.-Вост. Руси К. с. начали играть заметную роль в социально-политич. жизни в 1380–1450-е гг., когда усилились тенденции к поглощению *Московским великим княжеством* ранее самостоят. княжеств, прежде всего в границах Владимирского вел. княжения. Подобные перемены санкционировались Ордой, т. к. подразумевали изменения в системе ярлыков и платежей дани. Соответственно и старшие князья, и их кровные родственники утрачивали верховый суверенитет над территорией княжества и ряд властных прерогатив (включая право пожалований), которые перешли к вел. князьям московским. Тем самым кардинально менялся статус бывших «стольных» и удельных князей – они становились К. с. вел. князей московских.

Документально фиксируются два типа К. с. – с индивидуальным статусом и в составе локальных территориально-клановых корпораций. К. с. обоих типов владели родовыми вотчинами, но уже как «жалованьем» (и реальным, и формальным) моск. правителей, вассалами которых они теперь являлись. Отъезд К. с. к иному князю (великому или удельному) влёл за собой автоматич. конфискацию его земельной собственности. В статьях договоров вел. князей между собой или же правящих князей с удельными, в которых формулировался взаимный или односторонний (только князьям удельным) запрет на приём К. с. «с отчинами», К. с. выступали только как объект междукняжеских соглашений. Также К. с. не являлись и субъектами отношений с Ордой. Только в возможных соглашениях с др. К. с. из своего же клана по поводу родовых владений, а также в частноправовых сделках под контролем вел. князя и членов своего рода К. с. выступали как субъекты права. Воен. служба самих К. с. не зависела от того, участвовал ли вел. князь в воен. действиях лично, – они были обязаны «сесть на коня»

или отправить свои отряды согласно приказу вел. князя. Различия между К. с. с индивидуальным или групповым статусом заключались в размерах их родовых вотчин, в объёме их властных прерогатив на эти земли и податное население, в количестве вассалов (у К. с. с индивидуальным статусом вотчины были заметно крупнее, объём прав – значительно шире, а служилых бояр, детей боярских и т. п. лиц у них на службе было намного больше). Различалась процедура оформления их отношений с вел. князем (у К. с. с индивидуальным статусом это документ договорного типа – «жалованная грамота в dokonчание»; с К. с. в составе территориально-клановых групп заключались, скорее всего, традиц. устные соглашения, дополнявшиеся порой частнопровыми сделками К. с. с членами великокняжеской семьи).

В соответствии с юридич. нормами у удельных князей не должно было быть К. с., однако в результате передачи осн. части [Белозерского княжества](#) в удел кн. Андрею Дмитриевичу К. с. из белозерских Рюриковичей оказались на службе у него, а затем у его сына, кн. Михаила Андреевича. Вследствие разл. обстоятельств (социальных, междунар. и внутривластич.) в 1390–1450-е гг. среди суздальских Рюриковичей преобладали К. с. с индивидуальным статусом. Стародубские Рюриковичи (князь Стародуба на Клязьме) образовывали локальную территориально-клановую корпорацию при наличии отд. К. с. с индивидуальным статусом; у части ярославских и ростовских Рюриковичей, а также у осн. массы князей [Оболенских](#) формировались аналогичные группы. С сер. 15 в. К. с. могли входить в состав Боярской думы князей, на службе у которых они находились. Во 2-й пол. 15 в. постепенно исчезала группа К. с. с индивидуальным статусом, при этом категория К. с. регулярно пополнялась, в т. ч. за счёт осн. массы ярославских Рюриковичей и части ростовских, унифицировался статус локально-родовых корпораций К. с. и их учёт в составе [Государева двора](#) (вошли в него не позднее 2-й четв. 15 в.).

По завещанию вел. кн. московского Ивана III Васильевича К. с. «Московской земли и Тверской» сохраняли родовые вотчины только при условии службы вел. кн. московскому Василию III Ивановичу. Ему же должны были служить К. с. с индивидуальным статусом, иммигрировавшие в кон. 15 – нач. 16 вв. из ВКЛ: князь Стародуба Северского Семён Иванович и его сын Василий Семёнович Стародубские (сын и внук удельного кн. можайского [Ивана Андреевича](#)), а также кн. Василий Иванович Шемячич – внук кн. [Дмитрия Юрьевича](#) Шемяки (их владения по размерам территории, численности вассалов, объёму властных прерогатив приближались к княжествам удельных князей Моск. вел. кн-ва, чему также способствовало дальнейшее родство этих князей с вел. князем московским); верховские князь из новосильской ветви черниговских Рюриковичей (князь Белёвские, [Воротынские](#), [Одоевские](#)); из Гедиминовичей – князь [Трубецкие](#), князь [Бельские](#); кн. М. Л. [Глинский](#) (в 1508–14). Указанные лица сохраняли свои родовые вотчины уже как пожалования вел. кн. московских и вел. князей литовских 2-й пол. 15 в. (на территориях, вошедших после [русско-литовских войн](#) кон. 15 – 1-й четв. 16 вв. в состав Рус. гос-ва). Некоторые из них получали от моск. государей новые земли «в вотчину и в удел», что фиксировало их правовой статус как К. с. с индивидуальным статусом. Массовый приток в Рус. гос-во лиц, получавших статус К. с., значительно способствовал дальнейшему существованию категории К. с. В 1526 на рус. службу выехал Ф. М. Мстиславский, быв. удельный князь в ВКЛ, на тех же правах пожалованный владениями в Рус. гос-ве и положением К. с. с индивидуальным статусом.

С кон. 15 в. происходил переход от вассальных связей к подданству, изживали себя корпоративные формы воен. службы К. с., постепенно начинали преобладать персональные служебные назначения К. с., их родовые вотчины подверглись размыванию (в т. ч. под давлением и под контролем верховной власти); благодаря бракам,

покупкам, обмену и др. сделкам или же от вел. князя К. с. получали владения вне родовых территорий (поместий и вотчин). Традиционно учётный характер носили записи К. с. в некоторых документах двора сер. 16 в. по спискам К. с. с индивидуальным статусом, а также по спискам К. с. в составе территориально-родовых корпораций с параллельной их фиксацией в др. документации по статусно-чиновным группам членов двора (думным чинам и т. н. московским). Всё это означало, что категория К. с. во 2-й трети 16 в. как форма интеграции ранее самостоят. и удельных князей Сев.-Вост. Руси в состав формирующейся знати Рус. гос-ва утратила свою актуальность. Решающий удар по родовому землевладению К. с. был нанесён земельной политикой опричнины. Последний раз перечень К. с. как несомненный реликт прежнего деления знати фигурировал в боярском списке 1588/89 при восстановлении в начале правления царя Фёдора Ивановича доопричной структуры Государева двора.

В ходе завоевания и присоединения к ВКЛ бывших др.-рус. княжеств в 14–15 вв. ранее самостоят. князья Рюриковичи переходили там на положение К. с. Они оказывались вассалами как вел. князей литовских, так и удельных князей Гедиминовичей. К. с. с индивидуальным статусом находились в зависимости от вел. кн. литовского. Таковыми были князья Верховских княжеств (до кон. 15 в.), иммигранты из Моск. вел. кн-ва (можайский кн. Иван Андреевич с детьми, кн. Иван Васильевич Ярославича из серпуховско-боровских удельных князей, кн. Иван Дмитриевич Шемячич, верейский кн. Василий Михайлович, сын удельного кн. Михаила Андреевича и др.), выдвинувшиеся на литов. службе отд. лица из числа местных Рюриковичей.

К. с. с групповым статусом существовали прежде всего в восточном, отчасти юго-зап. порубежье ВКЛ при сохранении особых родовых княжеств в рамках постепенно унифицировавшегося адм. деления на воеводства. Наиболее известны князья Друцкие (см. в ст. Друцкое княжество; ещё в 15 в. они дали ряд княжеских родов и фамилий в ВКЛ и России – князья Бабиचेvy, Друцкие-Соколинские, Друцкие-Озерецкие, Друцкие-Конопля и др.), князья Огинские и Мосальские (из карачевско-козельской ветви черниговских Рюриковичей), князья Острожские (скорее всего, из черниговских Рюриковичей), князья Вяземские, Крошинские, Козловские и др. (все из смоленских Рюриковичей) и др. За единичными исключениями, категория К. с. в ВКЛ исчезла не позднее 1-й четв. 16 в.

Традиционно в отеч. и зарубежной историографии к К. с. относят также ряд схожих категорий знати, не удовлетворяющих, однако, всем условиям, определяющим К. с. Во-первых, это князья на службе вел. кн. московских и удельных князей в 15 – сер. 16 вв., не сохранившие родовых вотчин. Подобные примеры существовали и ранее, ещё в домонгольское время (напр., кн. Иван Ростиславич Берладник, будущий туровский кн. Юрий Ярославич до 1157), а также в 13–14 вв. В указанный период таковыми были эмигранты из ВКЛ (Хованские, Патрикеевы, Булгаковы, Щенятевы и др. из удельных князей Гедиминовичей; князья Бабиचेvy из рода князей Друцких), выезджие князья из др. княжеств Сев.-Вост. Руси (кн. Д. Д. Холмский из тверских удельных князей; князья Пронские из рязанских Рюриковичей и др.), не получившие от вел. кн. московских и удельных князей владений «в вотчину и в удел». К ним примыкали выходцы из княжеских домов Рюриковичей, полностью или в значит. мере утративших в кон. 15 – 1-й трети 16 вв. родовые земли и служебные связи с родичами [князья Гагарины, старшая линия князей Ромодановских и др. из Стародубских Рюриковичей (князей Стародуба на Клязьме), князья Голенины и др. из сретенской ветви ростовских Рюриковичей, ряд фамилий из ярославских Рюриковичей и князей Оболенских]. Некоторые из них обладали весьма значит. недвижимостью и были выдающимися гос. (кн. И. Ю. Патрикеев) и военными (кн. Д. Д. Холмский) деятелями.

Во-вторых, по ряду признаков к К. с. с индивидуальным статусом были близки во 2-й пол. 15 – нач. 17 вв. выходцы из династий казанских, крымских, астраханских и сибирских Чингисидов, получавших во владение (как правило – срочное, ненаследственное) те или другие города с округой, что реально давало им право на разл. доходы с податных людей (чаще всего жаловались Кашира, Звенигород, Серпухов, иногда Юрьев-Польской и др.). Эти царевицы во главе своих отрядов принимали активное участие в воен. кампаниях рус. армии и нередко использовались как моск. ставленники в борьбе за ханский трон в Казани и Астрахани. Наиболее известны [Мухаммед-Эмин](#), Абд аль-Латиф, [Шах-Али](#), Джан-Али, [Дервиш-Али](#), а также принявшие крещение казанский царевица Кудай-Кул (Худай-Кул; в крещении с 21.12.1505 Пётр Ибрагимович), женатый с 25.1.1506 на сестре вел. кн. московского [Василия III Ивановича](#) – Евдокии Ивановне, а также последний казанский хан Ядгар-Мухаммед (в крещении Симеон Касаевич). Особый статус имели царевицы и цари, владевшие [Касимовским царством](#).

В-третьих, к К. с. иногда относят князей Рюриковичей и Гедиминовичей, находившихся на службе в Новгороде и Пскове. Они не имели наследственных прав на выделяемые им «в кормление» («хлебокормление») города с сельской округой, обладая лишь административно-судебными правами над податными людьми и правом на сбор ряда доходов. Правда, приезд в Новгород в 1333 первого князя-наёмника, литов. кн. Нариманта Гедиминовича, сопровождался передачей ему городов (Ладоги, Орешка, Корелы), Корельской земли и половины [Копорья](#) «в отчину, и в деду, и детям его», но этот порядок не закрепился. Впоследствии, в зависимости от политич. и воен. конъюнктуры, а также от знатности князя, размеров и подготовленности его войска число жалуемых князю городов варьировалось (последний вел. кн. смоленский [Юрий Святославич](#) в 1404 получил 13 городов). Процедура включала предварит. переговоры и заключение офиц. соглашения по решению веча. Во 2-й пол. 14 в. и до сер. 15 в. в Новгородской республике существовала система из двух князей-наёмников, причём вторые князья получали обычно половину Копорья, или Яму (ныне [Кингисепп](#)), а в отд. случаях – иные пригороды в зап. порубежье. В этой роли нередко оказывались белозерские (возможно, ещё с нач. 14 в.), смоленские, а в 1440–70-х гг. – суздальские Рюриковичи, которые воевали вместе с новгородцами против моск. войск (1456, 1471, 1478). В Пскове князья-наёмники известны с последних десятилетий 14 в. (гл. обр. Гедиминовичи, частью – смоленские Рюриковичи), с нач. 15 в. эту функцию выполняли, как правило, представители ростовских и суздальских Рюриковичей, князей Оболенских и др., поставленные по рекомендации или с согласия вел. князей московских. По процедуре порядок выбора и утверждения псковских князей был близок к новгородскому.

Литература

Лит.: Веселовский С. Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. М., 1947. Т. 22; Мордовина С. П. Служилые князья в конце XVI в. // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1970. Т. 28; Зимин А. А. Служилые князья в Русском государстве конца XV – первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975; он же. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988; Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986; она же. Правящий класс Русского государства // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М., 1997; Кром М. М. Меж Русью и Литвой. М., 1995; Бенцианов М. М. Княжеские родовые корпорации в Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. (князья Оболенские, Ростовские, Суздальские, Ярославские, Стародубские, Мосальские

в середине XVI в.) // Историческая генеалогия. 1995. № 8; Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV вв. М., 1998; Назаров В. Д. О титулованной знати России в конце XV в. (Рюриковичи и Гедиминовичи по списку двора 1495 г.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000; он же. Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XV в. // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7; он же. Княжеское родовое землевладение в России: традиционное право и приговор 1551 г. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). Калуга, 2003; он же. Князя Ромодановские в эпоху становления Российского централизованного государства (фамильный портрет в родовом интерьере и социополитическом контексте) // Государев двор в истории России XV–XVII столетий. Владимир, 2006; он же. «Господарь, князь великий», служилые князья и Государев двор в России XV в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005. М., 2008; Антонов А. В. К истории удела князей Одоевских // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7; Флоря Б. Н. О родовом землевладении князей Трубецких во второй половине XVI – начале XVII в. // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7; Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в. Внешнеполитические договоры. М., 2003; Стрельников С. В. Об особенностях политической истории Ростовской земли в XIV–XV вв. // История и культура Ростовской земли. 2002. Ростов, 2003; Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. М., 2004; Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 г. М., 2005; Грязнов А. Л. Белозерский княжеский род в конце XIV–XV вв. // История и культура Ростовской земли. 2005. Ростов, 2006; Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVI вв. // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8.